

ЭТИКА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ МЫШЛЕНИЯ XX ВЕКА (В СВЯЗИ С КОНЦЕПЦИЕЙ «НЕГАТИВНОЙ ЭТИКИ»)

Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что в «точках роста» современной науки (в биомедицине, в робототехнике, в работах, направленных на изучение возможностей создания искусственного мозга, в информационных науках, в космологии, в ядерной энергетике, в экологии и т. д.) часто решающее значение при планировании исследований имеет ответ на вопрос: хорошо или плохо отразится на человеке предполагаемый в будущем результат, будет ли он означать добро или зло в жизни человека? Добро и зло – такие же значимые для этики понятия, как для науки в целом истина и ложь, они взаимоисключающие. Переосмысление в философии науки последних десятилетий понятия истины вызывает массу ожесточенных дискуссий. Между тем этика ведь тоже наука, и соотношение в ней добра и зла как специфически именно ее базового основания не может не соотноситься с отношением истины и лжи. И такое соотношение действительно присутствует, в чем я убедилась, прочитав ряд работ А.А.Гусейнова, в которых много экскурсов в историю философии. Ниже в тех случаях, когда речь пойдет об этике как отрасли знания, не будучи специалистом в этой области, я буду опираться именно на его работы¹.

Первое, на что я обратила внимание, это что в этике, как в любой другой науке, присутствуют *на равных* два момента в деятельности человека, в его намерении совершить тот или иной поступок. Во-первых, необходимость подчиняться некоторым общим нормам, воспринимаемым как абсолютные и обязательные для исполнения всеми членами сообщества, которому эти нормы принадлежат (в случае этики – нормам морали). И, во-вторых, те неизбежные различия, которые проявляются в каждом акте подчинения этим нормам индивидуального человека в конкретных обстоятельствах, в данное время и в данном месте. Соотношение общего и частного обычно представляется как соотношение морали и нравственности. При всем желании оставаться в рамках морали в ряде случаев, чтобы сохранить свое свойство быть нравственным, приходится нарушать моральные запреты, а в науке – сделать главным не получение истины, а постановку целей, которые не принесут человеку вред. Другими словами, во имя человека, его блага можно и даже необходимо в ряде случаев не подчиниться нормам морали, а в науке – выйти за пределы той логической системы, которая выдает истинный результат.

¹ Гусейнов А.А. Что я должен не делать? // Филос. журн. 2012. № 2. С. 51–65; Гусейнов А.А. Мораль как предел рациональности // Вопр. философии. 2012. № 5. С. 4–18; Гусейнов А.А. Мораль: между индивидом и обществом (к вопросу о месте морали в современном обществе) // Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы / Под ред. Р.Г.Апресяна. М., 2009. С. 36–49; Гусейнов А.А. Философские заметки // Вопр. философии. 2009. № 10. С. 3–15; Гусейнов А.А. Философия как утопия для культуры // Вопр. философии. 2009. № 1. С. 11–16 и др.

В статье «Мораль как предел рациональности» Гусейнов ставит проблему соотношения истины как основополагающего понятия познавательной деятельности и блага как цели морального поступка. Вопрос о пределе разума, полагает автор, естественно и легко решается в пределах самого разума, но он становится трудным «в силу того, что человек – существо не только разумное, но еще и живое. ...Он разумен именно в качестве живого существа. Такова, на мой взгляд, – продолжает автор, – основная причина, в силу которой вопрос о пределах разума превращается в проблему и приобретает драматический характер»². Другими словами, функционирование познавательного разума (а именно о *познавательном* разуме в подавляющем большинстве случаев идет речь у Гусейнова) перестает быть эффективным, когда оказывается, что он не в состоянии решить своими логическими средствами вставшие перед ним проблемы. Но существует и другая причина, которая ограничивает возможности разума. Кроме способности мыслить человек как живое существо обладает многими другими свойствами, наличие которых для его мышления необходимо. Разум человека имеет две границы с тем, что разумом не является, но служит условием его существования. Во-первых, это внешний мир, независимо от него существующий и еще не познанный. Во-вторых, это сам человек со всем многообразием его физических, эмоциональных, социальных потребностей. И то, и другое служит некоторым контекстом, для мышления необходимым, но мышлением не являющимся. С другой стороны, Гусейнов подчеркивает очень важный момент: многое в деятельности человека как живого существа может быть элементами жизни и животных, но именно связь любого поступка с разумным его планированием в качестве цели деятельности делает его человеческим. Действительно, многие мыслители, утверждающие, что нет принципиального различия между некоторыми элементами деятельности животных и человека, не учитывают этого важного момента, а именно: что любой сознательный поступок человека управляется разумом, чего не скажешь о поступках животных.

* * *

Нельзя не согласиться с тем, что элемент *познавательного* отношения к миру как существующему за пределами моего Я и независимому от любых форм моей деятельности всегда присутствует в мышлении любой исторической эпохи, не всегда будучи при этом, однако, определяющим. Такой взгляд на мир является *доминирующим* в классической науке и служит эмпирическим основанием для философии Нового времени, которая сама строится как «наукоучение», являясь при этом *логической* базой исследовательской научной деятельности. Гусейнов пишет о философских основаниях классической науки Нового времени: «Философия стояла у истоков современной науки, явилась ее теоретической санкцией и духовным базисом. Она... обосновала идею, согласно которой природа является последней реальностью в том смысле, что содержит свою причину в себе и подчиняется неизменным (никем не отменяемым) законам»³. Другими словами, чтобы воспроизвести в научном знании законы природы и чтобы это знание было истинным, нельзя в законы ничего привносить извне, в том числе и деятельность по получению знания, и какие бы то ни было характеристики

² Гусейнов А.А. Мораль как предел рациональности. С. 4.

³ Гусейнов А.А. Философия между наукой и религией. С. 7.

субъекта этой деятельности. Для науки ее философские основания не являются предметом исследовательского интереса. Между тем, такие понятия, как истинность и объективность получаемого знания, являются основополагающими не только для естествознания, но и для общественных наук, во многих случаях стремящихся соответствовать господствующему способу познания мира, включая мир социума и культуры.

Однако в другие исторические эпохи понятие истины фигурирует в философских системах, но наполняется другим содержанием. В Античности важно понятие формы (хаос *оформляется* в космос, в скульптуре бесформенный мрамор становится прекрасной статуей); в Средние века знание должно соответствовать слову Божьему, выраженному в Священных текстах; в XX в. знание получается в результате диалога, intersубъективных отношений, коммуникации, причем участники общения по-разному понимают мир и мышление.

В XX в. основное внимание уделялось различию, уникальности, особенности, индивидуальности, что часто приводило к эмпирическому характеру исследований или к попыткам вернуться к классике как прибежищу логической стабильности. Предпринимались, однако, и серьезные попытки создания новой логики как основания другого типа мышления. Но сейчас не об этом речь. Я хочу только напомнить, что проблема общего и частного, другими словами – законов, правил, предписаний, обязательных для всех, с одной стороны, и индивидуальных, частных форм деятельности (и практической, и интеллектуальной) в рамках этих предписаний или за их пределами – с другой, является для философии последних десятилетий сложной и трудноразрешимой. Ниже я постараюсь показать, что преодоление этих философских трудностей во многом сводится к пониманию роли этических проблем в современном обществе и в современном мышлении. В первую очередь именно поэтому меня заинтересовали идеи Гусейнова, а среди них прежде всего выдвижение им на первый план понятия «негативный поступок» и вопроса: «Что я должен не делать?». Именно негативная форма вопроса, предлагаемая вместо (а не в дополнение, как мне представляется) кантовского: «Что я должен делать?», встраивает позицию в дискуссии наших дней о мышлении на стороне тех, кто стремится обосновать происходящие здесь перемены.

Этика *как наука* встраивается в структуру научного мышления той или иной исторической эпохи, и, безусловно, она не может избежать тех изменений, которые здесь происходят в последние десятилетия. В число этих изменений входят и другого типа отношения между отдельными научными дисциплинами. В Новое время полученные результаты в физике, например, могли помочь в решении тех или иных проблем в химии. В результате химия делает шаг вперед в своем развитии, именно химия, а не физика. Во всяком случае такой вариант был доминирующим. Формируется физическая химия, причем химия в самом названии присутствует как основная дисциплина, для которой физика служит дополнительным *средством* решения ее проблем. Особенно заметно такое взаимодействие между социальными, общественными науками (этикой в том числе), с одной стороны, и естествознанием – с другой. Положение дел в обществе (в политике, экономике), безусловно, может повлиять и постоянно влияет на развитие науки через финансирование тех или иных ее направлений, через формирование общественного мнения и многими другими способами. Но это влияние не может затронуть логику развития научных идей, не может воздействовать на ход мысли в голове ученого, ход мысли, который приведет к решению конкретной научной пробле-

мы. Граница между обществом и научными идеями сохраняется. «Этос науки есть не что иное, – пишет Гусейнов, – как этическое обеспечение процесса производства знания»⁴. Это определение этоса выражает собой отношение этических норм поведения ученых и наукой как социальным институтом, при этом содержание научного знания не затрагивается. Нельзя не согласиться с Гусейновым, что такому пониманию этоса «адекватной может быть признана модель Р.Мертон»⁵. Следует, однако, при этом отметить один очень важный момент. Граница между наукой, понимаемой как научное знание, и обществом переносится Мертоном в рамки науки как социального института, где доминирующими для Мертона являются моральные нормы поведения ученого. Следующего шага, когда граница социальное – логическое, этическое – познавательное смещается внутрь самого научного знания, Мертону не суждено было сделать. Эта проблема со всей остротой была поставлена во второй половине прошлого века и в начале настоящего. В отечественной философии науки заслуга постановки проблемы нового типа соотношения социального, личностного, с одной стороны, и нормативного, логического, с другой, принадлежит В.С.Стёпину, который ввел понятие человекоразмерности научного знания. При этом он опирался в первую очередь на те сдвиги в естествознании, которые произошли в результате научной революции начала прошлого века⁶. Соответствующие проблемы философского знания решал в своей диалогике В.С.Библер, опираясь на историю философии и историю естественных наук с точки зрения детерминации их оснований философией⁷.

Одним из наиболее заметных симптомов смещения границы социальное – логическое стало осознание того факта, что при этом решаются проблемы и достигаются цели как социальных наук, так и естественных. А из социальных проблем на передний план выдвигаются этические. Гусейнов прав, когда вычленяет в качестве существенного факт формирования принципиально новых научных дисциплин⁸. Биоэтика – наиболее показательна в качестве науки, демонстрирующей единство социальных, прежде всего этических, и естественнонаучных проблем. Эта область знаний сейчас активно разрабатывается, в том числе Б.Г.Юдиным. Приведу некоторые его соображения на этот счет. По его мнению, в последние десятилетия одним из главных векторов, характеризующих развитие науки, является неуклонное приближение к человеку, к его потребностям, устремлениям, чаяниям. «В результате происходит все более основательное погружение человека в мир, проектируемый и обустроиваемый для него наукой и технологиями. И дело при этом вовсе не ограничивается одним лишь “обслуживанием” человека – наука и технологии приближаются к нему не только извне, но и как бы изнутри, в известном смысле делая и его своим производением, проектируя не только для него, но и самого же его. В самом буквальном смысле это делается в некоторых современных генетических, эмбриологических и т. п. биомедицинских исследованиях, например, связанных с клонированием»⁹. Или характеристика Юдиным научного эксперимента в науке наших дней:

⁴ Гусейнов А.А. Наука в системе моральных ценностей // Знание в социокультурном пространстве / Отв. ред. В.С.Степин. М., 2011. С. 109.

⁵ Там же.

⁶ Степин В.С. Научное познание в социальном контексте: Избр. тр. Минск, 2012.

⁷ Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М., 1991.

⁸ Гусейнов А.А. Этика // Новая философская энциклопедия. Т. 4. М., 2010. С. 476.

⁹ Юдин Б.Г. Наука и общество знаний // Вопр. философии. 2010. № 8. С. 50.

«...экспериментальная установка есть порождение рациональной и целенаправленной деятельности»¹⁰. Заметим, что разум, разум сочетается у Юдина с целеполаганием. Гусейнов в свою очередь считает, что разум направлен на получение истины, а мораль на поступок, управляемый целью. Юдин соглашается с бельгийским философом Ж.Оттуа, с его утверждением, что в лаборатории невозможно увидеть различие между прикладным и фундаментальным исследованием и что значимость этого различия сомнительна для определения природы современной науки.

Такой взгляд на научную деятельность у многих философов науки, да и ученых, пытающихся понять с точки зрения философии, как же они работают, вызывает активное сопротивление. Действительно, фундаментальная наука может остаться фундаментальной только в том случае, если она отстраняется от всего, что не связано напрямую с предметом ее исследования, в том числе и от возможных способов использования в будущем на практике полученных ею результатов. Но в XX в., по словам Гусейнова, ставка «на достижение совершенного состояния человека и общества через научно-технические успехи, рационально обоснованное преобразование внешних условий жизни, эта ставка оказалась битой. ...Наука и техника могут многое, очень многое, но они не спасут мир – вот истина, с которой столкнулась сегодня философия... Делёз и Гваттари в своей работе “Что такое философия?” пишут о том, что “философия и наука идут противоположными путями”¹¹. В такой резкой форме данное положение едва ли можно принять, но значительная доля истины в нем есть»¹². С одной стороны, именно такие печальные выводы приводят многих философов к заключению, что фундаментальная наука не нужна, так как не ориентирована с самого начала на добро для человека, что знание, которое она выдает, не только не делает жизнь человека лучше, но может привести к его гибели. С другой стороны, формируются науки, которые демонстрируют возможность их развития, когда в них на равных присутствует необходимость получения *истины* и достижения *цели*, определяющей вектор развития общества во благо человека. При этом и понятие истины, и понятие цели человеческой деятельности в их взаимодействии становятся проблемными, продумываются заново.

Приходится задуматься над тем, что истинное научное знание не всегда приводит к добру, что достижения фундаментальной науки следует оценивать не только с точки зрения их истинности или ложности. Атомная бомба и химическое оружие были бы невозможны без применения при их производстве знания, признанного учеными истинным. Однако, с другой стороны, для достижения благой цели защиты своей страны от угрозы стать жертвой атомной бомбардировки необходимо получение истинного знания для производства атомной бомбы в качестве противовеса замыслам противника. В реальной жизни истина и благо в своем взаимодействии никак не влияют на внутреннюю структуру друг друга. Логика научных идей не меняется в зависимости от их использования в обществе во благо или во вред человеку. И понимание того, что есть для человека благо, а что зло, не зависит от признания в науке истинным или ложным полученного здесь результата. Поэтому доминирующая в Новое время положительная оценка истины как добра никак не влияла на ход исследования и на получаемый

¹⁰ Юдин Б.Г. Так что же происходит в науке? // Эпистемология и философия науки. 2011. № 4. С. 62.

¹¹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб., 1998. С. 162.

¹² Гусейнов А.А. Философия между наукой и религией // Вопр. философии. 2010. № 8. С. 8.

результат. Для достижения благих целей человек не задумывается, насколько истинны знания, которые у него есть в распоряжении. В то же время ученому-фундаменталисту может только мешать мысль о применении его идей в жизни общества, все оценочные характеристики остаются за бортом его исследовательской деятельности.

Но это все относится к классической науке Нового времени. Именно поэтому, если иметь в виду классическую науку, не был прав Л.Шестов, о котором упоминает Гусейнов, когда тот говорил об ущербности этически нейтральной гносеологии. Как раз благодаря такой нейтральности не только от этики, но и от любых других составляющих общественной, социальной жизни общества, наука Нового времени смогла добиться своих колоссальных результатов и изменить, в целом в лучшую сторону, нашу жизнь. Однако в XX в. становится очевидным, что наука такого типа исчерпала свои возможности, и в своих точках роста она преобразуется в науку, которая далека от нейтральности, прежде всего этической нейтральности получаемого научного знания.

Что я должен не делать, чтобы не выходить за пределы моральных норм? Такая постановка вопроса становится особенно радикальной, когда Гусейнов говорит о необходимости для индивида делать *выбор* в точке противостояния мотивации совершать или не совершать тот или иной поступок на основе, с одной стороны, конкретной жизненной ситуации, в которой он оказался в данное время и в данном месте, и, с другой – усвоенными им нормами морали, обязательными для всех. Гусейнов пишет, что мораль «рассматривает внутренний (намеренный) и внешний (объективированный) аспекты деятельности индивида в точке их соединения, когда намерение уже вырвалось в объективный мир, стало поступком и когда поступок еще сохраняет пуповинную связь с намерением. Она представляет собой область индивидуально-ответственных поступков»¹³.

Во многих случаях Гусейнов придает особое значение морали для поступков отдельного человека, но при этом не забывает подчеркнуть, что главное – это ее абсолютный характер. В энциклопедической статье он пишет: «Мораль претендует на абсолютность, на то, чтобы быть последней ценностной опорой человеческого существования»¹⁴. В то же время: «Общая тенденция развития общественных нравов, понятая как движение от нравственного патернализма к моральной автономии, состоит в том, чтобы более полно делегировать право морального суда самим субъектам действия»¹⁵.

Такая установка (передать право моральной оценки самому человеку, совершающему поступок) должна преодолеть различие между двумя уровнями мотивации, о которых пишет Гусейнов. «Эмпирические мотивы, как принято думать, нацелены на определенный результат, целесообразны, сопряжены с той или иной выгодой и т. д. Моральные же мотивы считаются бескорыстными, они заключают свою ценность в себе». И несколько ниже: «Мораль обладает своей необходимостью, которая от необходимости поведения, задаваемой внешними обстоятельствами, природными и социальными потребностями и интересами, отличается тем, что она имеет безусловный характер»¹⁶. По словам Гусейнова, мораль в оценке поступков играет такую же роль, как отдел технического контроля играет в производстве товаров. «...Мораль про-

¹³ Гусейнов А.А. Мораль: между индивидом и обществом. С. 41.

¹⁴ Гусейнов А.А. Этика // Новая философская энциклопедия. Т. 4. М., 2010. С. 477.

¹⁵ Гусейнов А.А. Мораль: между индивидом и обществом. С. 44.

¹⁶ Гусейнов А.А. Что я должен не делать? С. 57.

пускает через свои критерии уже готовые поступки перед тем, как выпустить их на “рынок” общественного поведения, и санкционирует их, если они им соответствуют, или выбраковывает, накладывает запрет на них, если поступки этим критериям не соответствуют»¹⁷.

Мне представляется, что такое жесткое противопоставление эмпирического поступка процедуре его моральной оценки не вполне продуктивно и не совпадает с некоторыми высказываниями самого Гусейнова, хотя бы с его предложением передать больше прав субъекту на моральную оценку совершаемого им поступка. Любая система моральных норм существует только благодаря тому, что есть кому этим нормам подчиняться, и кто живет, руководствуясь, более или менее последовательно, именно этими нормами. Правила морального поведения далеко не всегда и далеко не все бывают записаны в форме законов или заповедей в священных книгах. Они могут передаваться устно (и в тех случаях, когда они записаны, тоже) из поколения в поколение в семье, на личном примере, в религиозных, национальных, социальных сообществах. При этом человек не обязательно осознает, что он подчиняется правилам, которые могут быть неприемлемы для людей другой исторической эпохи или для его современников, живущих в другой части света, или даже по соседству, но принадлежащих другой культуре, другой религии¹⁸. Разумеется, Гусейнов никогда не станет отрицать, да и пишет об этом в своих работах, что нормы морали не могут не трансформироваться с ходом истории и что у разных народов они не одинаковы. Можно в связи с этим привести такие его слова: «...моральные правила и оценки, на основании которых осуществляется одобрение поступков, могут быть столь же разнообразными, как и сами эти поступки, они могут вполне противоречить и часто противоречат друг другу (типичный случай, когда то, что считается у одних групп людей приличным, у других является постыдным)»¹⁹. Изменчивость и абсолютность – два полюса, определяющие характер функционирования морали в обществе, но при этом доминирующим для Гусейнова остается нормативный полюс, обязательность подчинения общепризнанным в данном сообществе законам морали.

Причем сам человек является как бы посредствующим звеном между совершаемым им поступком и моральным предписанием. «Безусловность, абсолютность нравственного предписания размывается, размывается в условности, относительности его индивидуальных интерпретаций»²⁰. Ни один поступок, продолжает Гусейнов, не может быть воплощением абсолютности морали, так как он имеет двойную мотивировку: моральными нормами и жизненной ситуацией. «И в то же время абсолютность является специфическим признаком морали, вся логика морального сознания держится на убеждении, согласно которому человек несет моральную ответственность за все, что он делает»²¹.

¹⁷ Гусейнов А.А. Что я должен не делать? С. 58.

¹⁸ Мне вспомнился разговор, который произошел у меня много-много лет тому назад, когда мы, небольшая группа молодых философов, ехали в поезде на юг на какую-то конференцию, и среди нас оказался грузин. Завязался разговор о положении женщин на Кавказе. Я была искренне возмущена, когда наш собеседник стал нас убеждать, что грузинские женщины (их большинство, во всяком случае) довольны своим положением в семье и даже не думают его менять. Разговор был горячий и довольно-таки продолжительный, и никто друг друга ни в чем не убедил. Но теперь я понимаю, что в словах нашего собеседника было больше правды, чем у нас.

¹⁹ Гусейнов А.А. Что я должен не делать? С. 58.

²⁰ Там же. С. 59.

²¹ Там же.

Моральные мотивы дают разрешение на поступок данному конкретному индивиду, и каждый человек, будучи честным, всегда может сказать: «Я мог бы не совершать этого поступка». И именно это обстоятельство, считает Гусейнов, «является источником абсолютизма морального самосознания, универсального характера нравственной ответственности. Тем самым вопрос о моральных основаниях деятельности человека переходит в вопрос о том, что он должен не делать, в вопрос о моральных запретах»²².

Вводимое Гусейновым в оборот понятие «негативный поступок» и выдвигание на передний план вопроса «что я должен не делать?» призваны, по замыслу, закрепить в сознании человека запрет на совершение поступков, не согласующихся с принятыми нормами морали. Негативный поступок – это такой поступок, который не совершается в силу сознательной, намеренно избранной позиции. Поэтому не все, чего мы не делаем, может быть отнесено к области негативных поступков, «а только то, что мы не совершаем из того, что нам очень хочется совершить... К примеру, когда люди не лгут и не убивают, они не нарушают соответствующие запреты. Это не значит, однако, что они совершают при этом негативные поступки»²³. Негативным поступком в чистом виде можно, по-видимому, назвать поступок отца Сергия из рассказа Л.Толстого. Поступок негативен в фактическом смысле: это поступок, которого нет, который не совершен. Он негативен и в ценностном смысле: это поступок, которого нет в силу его порочности, в силу того, что он не получает моральной санкции. «Формула негативного поступка такова: я не делаю этого потому, что я должен не делать этого»²⁴.

Моральные нормы действенны, они укрепляют то или иное сообщество в его целостности, они могут существовать в качестве некоторой абстрактной системы только в силу того, что отдельные индивиды подчиняются этим нормам, руководствуются ими при совершении тех или иных поступков. Имеет место необходимая между ними связь. Абстрактная система и эмпирическая жизнь людей не существуют параллельно друг другу и независимо друг от друга. Однако понятие негативного поступка обосновывает очень важное различие между двумя типами моральных поступков. Одно дело, когда человек совершает моральный поступок «автоматически», в силу жизненной привычки, в результате воспитания в семье, в школе. И другое дело, когда та или иная жизненная ситуация вынуждает его задуматься, может ли он поступить так, как ему хочется, или это будет противоречить той морали, которую он признает. И только в результате осознания аморальности желаемого поступка человек поступает правильно, не выходит за рамки морали своего сообщества. Такому моральному поступку предшествует момент, когда индивид встает перед *выбором*: оставаться верным морали или выйти за ее пределы. Он уже действует в этом случае «в горизонте личности» (выражение В.С.Библера).

Если человек делает выбор в пользу отказа от сомнительного поступка, он осознанно подтверждает свою приверженность морали. И эта приверженность, закрепленная *негативным поступком*, более прочная, чем у человека, не подвергшегося такому испытанию. Если же выбор сделан в пользу отказа не от поступка, а от той или иной нормы морали, то есть не в пользу негативного поступка, то вывод не будет однозначным. Главное, имела место ситуация выбора, а значит, поступок, который оказался под вопросом, мог

²² Гусейнов А.А. Что я должен не делать? С. 59.

²³ Там же. С. 60.

²⁴ Там же.

быть совершен. Прежде всего, нельзя игнорировать того факта, что негативными могут быть не только поступки, на которые мы налагаем запрет по причине, что к ним «нас настоятельно побуждают страсти, внешние обстоятельства, желания, соображения выгоды и т. д.»²⁵. Мотивацией для таких поступков может быть и чувство сострадания, несправедливости, забота о слабых, помощь больным, получение полезных для общества результатов в науке и многое другое. Если поступок свершился, он утрачивает один из основных признаков негативного поступка, он становится реальным. Но может сохраняться второй признак, а именно: он противоречит морали. Например, в условиях войны в разные исторические эпохи и у разных народов могут быть неодинаковые ответы на вопрос: следует ли лечить пленного врага или правильнее его добить, и своим-то не всем удастся оказать вовремя медицинскую помощь. А в каком-нибудь племени каннибалов вообще принято плененного врага съедать. Любая из этих моральных норм приемлема только в одном случае, и именно в этом случае ее нарушение будет воспринято как отказ от морали.

* * *

Выдвижение на передний план понятия *негативный поступок* и вопроса «Что я должен не делать?» играет важную роль, прежде всего по той причине, что делает *проблемным* следование тому или иному закону морали. Появляется сомнение, а так ли уж необходимо следовать запрету, не будет ли более *нравственным* нарушить его. Как неоднократно по тому или иному поводу пишет Гусейнов, в момент решения совершать или не совершать тот или иной поступок человек остается один на один с самим собой. Он должен брать ответственность на себя, и не всегда следование морали приносит ему чувство удовлетворения, совершенного долга и одобрение окружающих. Если поступок не противоречит моральным устоям общества, это еще не значит, что он воплощает в себе добро. По закону, в том числе и моральному, нельзя убивать без суда и следствия. Но если человек убивает насильника, предотвращая тем самым преступление, прекращая издевательства над ребенком, он совершает доброе дело. А если бы он этого не сделал, оправдываясь заповедью «не убий», то его поведение вполне можно было бы назвать безнравственным.

В момент, когда человеку приходится принимать решение, совершать ему тот или иной поступок, делать его реальным или же придать ему статус негативного, то есть когда индивид действует в горизонте личности, в этот момент в его душе сталкиваются два далеко не всегда совпадающих понятия: морали и нравственности. Нормы морали обязательны для всех, они абстрактны и не учитывают специфики той или иной жизненной ситуации, особенностей личности конкретного человека. Но система морали, какой бы абстрактной она ни была, может существовать и обладать каким бы то ни было смыслом лишь при условии, что ее нормы находят свое воплощение в деятельности, в поступках конкретных людей. При этом каждый человек руководствуется нормами морали по-своему, даже тогда, когда он им подчиняется по привычке, не задумываясь специально над их смыслом и о необходимости им следовать. Однако в этом случае этика как наука о морали

²⁵ Гусейнов А.А. Что я должен не делать? С. 60.

может с полным основанием пренебречь индивидуальными особенностями ее проявления в жизни общества. Главное – это то общее, что в равной степени является обязательным для всех.

* * *

В XX в. в мышлении совершается поворот в сторону повышенного интереса к индивидуальному и особенному. В политике – многополюсный мир, и полюса очень разные, трудно совместимые. Обостряются религиозные чувства, и дело здесь доходит до конфронтации. В науке и философии на равных правах сосуществуют учения, парадигмы, теории, построенные нередко на прямо противоположных логических основаниях. При этом выход за пределы собственной логики уже не рассматривается как отказ от какой бы то ни было рациональности, за оппонентом признается право на логическую и историческую значимость. Неизбежно возникающая проблема релятивизма сглаживает противоположность истины и ошибочности, а на передний план выдвигается понятие смысла. Смыслом может обладать и ошибочная с точки зрения современной науки теория, и она продолжает оставаться в истории науки.

Нововременная логика допускала выход за свои пределы исключительно как выход в эмпирию, в хаос. Об этом писал Витгенштейн в «Логико-философском трактате», где у него доминирует один субъект и отношение субъект-предмет. Витгенштейн говорит о единой логике и едином языке, о совпадении логики языка с логикой мира (логическая форма) и, что важно, о невозможности сказать что бы то ни было о том, что находится за пределами языка и мира. В этом случае он рекомендует лучше молчать. Тем не менее он *говорит* о границе мира, предполагается, что эта граница отгораживает наш мир от чего-то, находящегося за его пределами, о чем ничего нельзя сказать средствами нашей логики и нашего языка, о чем поэтому лучше ничего не говорить. Но такое рассуждение неизбежно подводит к мысли, что за границей нашего мира существует другой мир с другой логикой и другим языком. А там, где другой мир, другой язык, там и другой носитель этого языка, другой субъект. Встает проблема возможности общения с этим другим субъектом. В логике Витгенштейна как выражающей базисные положения нововременного познавательного мышления эта проблема не имеет смысла. И тем не менее «с заднего входа» она вторгается в его философию.

Похожая ситуация возникает и в этике наших дней, на этот раз в связи с понятием негативного поступка. Негативный поступок называется негативным потому, что он *не совершается*, а не совершается он по той причине, что его совершение означает выход за рамки признаваемой всеми в данном сообществе морали. По Витгенштейну, суждение *не произносится*, если оно не может быть выражено в рамках логики (а логика, по Витгенштейну, одна). В любом сообществе не совершается масса поступков из-за того, что они противоречат морали. Но их нельзя, по Гусейнову, назвать негативными. Негативный поступок – это тот, который не совершается после мучительных (как правило) раздумий человека, оказавшегося *перед выбором*. Ситуация выбора – вот главная характеристика негативного поступка.

Гусейнов пишет, что выработка запретов и «принятие их в качестве безусловных моральных норм – это исторический процесс, сложный, многофакторный, одним из моментов которого... является и его философское

осмысление»²⁶. Исторические пути развития у народов разные, поэтому и складывающиеся в результате моральные нормы могут быть даже прямо противоположными. То, что у одного народа считается вполне приличным, у другого – недопустимым.

В определении негативного поступка Гусейновым и в постановке вопроса «Что я должен не делать?» присутствуют два очень важных момента, свидетельствующих о серьезном смещении акцентов в понимании морали представителями науки этики, акцентов, которые встраивают эту науку в общий контекст трансформаций мышления XX в. **О первом моменте уже упоминалось выше.** Ставится под вопрос безусловное, в большинстве случаев автоматическое подчинение нормам морали без обсуждения их правомерности. Общие нормы «управляют» поведением человека. В случае же негативного поступка следование моральным нормам становится проблемным, продумывается, переживается возможность (или невозможность) подчинения законам морали.

Второй момент неоднократно подчеркивается Гусейновым, хотя он в значительной степени ослабляет тезис об абсолютности систем морали. Мы читаем у него, что негативный поступок «целиком и полностью находится в рамках пространства индивидуально-ответственного поведения...»²⁷. Или еще: «Из любви к отечеству два гражданина, один из которых является генералом, а другой пацифистом, совершают разные поступки. Посредствующим звеном между моральным предписанием и поступком является сам поступающий тем или иным образом индивид. Он подводит поступок под предписание, и соответствие первого второму остается исключительно на его совести»²⁸. Эту же мысль Гусейнов, анализируя позицию Бахтина по этому вопросу, выражает и таким способом: «Место морали там, где все зависит от решения индивида, от его решимости взять на себя риск поступка. Поступок есть форма нравственной ответственности потому, что он не может быть совершен никем, кроме того, кто его совершает, ибо в той точке бытия, в которой имеет место поступок, находится только он»²⁹.

Когда речь заходит о реализации в жизни общества абстрактных норм морали индивидами в конкретной, каждый раз другой ситуации, на первый план выходит понятие *нравственности*, которое перекрывает понятия зла и добра. Поступок может быть нравственным, но в одной системе морали восприниматься как зло, а в другой как добро. Граница между добром и злом становится нечеткой, перестает быть критерием оценки поступка как заслуживающего одобрения или, наоборот, осуждения. Происходит примерно то же самое, что и с понятиями истины и лжи в естествознании. Здесь проблема релятивизма отодвигает эти понятия на периферию, и они уступают место понятию смысла. Важно при этом учитывать, что и этика, где доминирует система морали с одинаковыми для всех, обязательными к исполнению нормами поведения, и классическое естествознание с понятиями истины, объективности знания продолжают функционировать и многое объяснять. Они не разрушаются вновь зародившимися течениями мысли, которые утверждаются путем установления логических связей нового типа со своими предшественниками.

²⁶ Гусейнов А.А. Что я должен не делать? С. 61.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 59.

²⁹ Там же. С. 56.

Можно согласиться с Гусейновым, что тенденцией постмодернистской философии является понимание морали как не отделимой от индивида. Это приводит к конфликту, кризису ценностей, «когда мораль теряет очевидность, не может поддерживаться силой традиции, и люди, раздираемые противоречивыми мотивами, перестают понимать, что есть добро и что есть зло. Такое, как правило, происходит при столкновении различных культур или культурных эпох, когда, например, новые поколения резко порывают с традиционными устоями»³⁰. Выход из создавшегося положения Гусейнов видит в том, чтобы с помощью познающего разума восстановить порванные нити общественной коммуникации, обосновать необходимость морали и дать новое ее понимание³¹.

Специально Гусейнов не анализирует особенности постмодернистского понимания морали, а по статье в Энциклопедии, где последним десятилетиям уделяется минимум места, трудно составить представление о том, какими ему видятся перспективы развития этики. Безусловно, отношения между представителями разных систем морали должны существовать. Но смущает слово *восстановить* и обращение к познающему разуму. Восстановление прежних связей может привести только к максимальному устранению индивидуального и личностного, того, к чему нас подводит понятие негативного поступка. Связи должны быть принципиально иного типа, и их установление – трудная задача для мышления XX в. Отношения следует строить не на устранении, а на сохранении плюрализма (прежде всего множественности субъектов) как логической базы мышления нового типа. Эта ориентация в интерпретации мышления предполагает прежде всего максимум внимания субъектному полюсу в отношении человек – мир. Отсюда разработка такого направления в философии, как социальная эпистемология, в разных его вариантах. Но эта тема требует специального рассмотрения.

³⁰ Гусейнов А.А. Этика. С. 477.

³¹ Там же.